

ИСПОВЕДЬ

Слаб человек. Низок и греховен. И этот человек – я.

Хочу признаться тебе, дорогой читатель, в безобразном своём грехе. Не за тем, чтобы выклянчить прощение, ибо понимаю: такового не заслужил, а для того, чтобы (вот же подлая душа!) переложить хотя бы часть мук своих на твои широкие плечи.

Грех мой неискупим – грех против творчества. Было так.

Работал я в ту пору на заводе, а досуг заполнял писанием стихов. И достиг уже кое-какого уровня в сочинительстве, чтобы понимать, что творю, хотя по большому счёту писателем ещё не стал.

По совпадению начальник мой отделский тоже рифмовал слова – может, менее успешно, потому что, начисто отвергнув интимность творчества, сразу ринулся создавать вокруг себя литературный кружок. Ну да Бог ему судья, речь-то вообще не о нём.

Сколько же талантов нереализованных бродит вокруг – мама родная! Все они, конечно, разные: молодёжь и пенсионеры, библиотекари и трактористы, но ударены когда-то одной палкой – неистовой страстью к созданию поэтических шедевров. Известность, если не знаменитость, при этом подразумевается, как непреложная истина.

Поскольку центр вновь созданного «литературного» кружка сидел в нашем отделе, сюда же и накатывали прибойной волной эпигоны и графоманы, прижимая к груди оттопыренными локотками свои детища – пухлые машинописные папки и растрёпанные тетрадки. Заводские и пришлые товарищи нервными шажками переступали порог нашего кабинета и тотчас вспыхивали глазом, выдающим крайнюю одухотворённость. Начальник брал под крылышко всех, у кого в конце строчек попадалась рифма – он уже замыслил издание коллективного сборника на средства авторов.

Но этого молчаливого человека с подвальным взором не принял даже мой демократичный начальник. Отвергнутый, как бесперспективный, он приносил свои вирши и второй, и третий раз, и, в конце концов, начальник, сославшись на занятость, спихнул его на меня.

Глядя в угол стола, соискатель поэтической славы молча кивал, пока я пытался объяснить ему, что назвать жену «берёзой», может, и можно, но только, если

она тебя назвала, скажем, «дубиной». Иное дело – «берёзка», да в строку не ложится.

Конечно, теперь дословно не помню, что было навалено в убогих строчках, но, поверьте, это было ужасно! Я честно построчно растолковал ему его ошибки, не надеясь, в общем-то, на их исправление.

Человек – назовём его «экскаваторщик», поскольку, судя по биографической справке, это и была его основная профессия до выхода на пенсию – тяжело оторвал взор от стола и долго посмотрел на меня. Не стало мне тогда тревожно, не насторожилось, ёкнув бдительно, сердечко.

Он сказал, не отводя запятого взгляда:

– Я вижу, вы разбираетесь. Вы мне там подправьте, чтоб в сборник взяли.

Я сказал, что, в общем-то, не имею отношения к литкружку моего начальника, что подправить эти строчки невозможно – их непременно следует бросить в печь и, если есть охота, написать новые.

– Вот и напишите новые, – угрюмо предложил экскаваторщик. – Вам же ничего не стоит, а я заплачу.

Это было странно. Человек ведь небогатый, пенсионер, и готов платить за то, чтобы его имя стояло под чужими стихами. Интересно, знает ли он о том, что начальник сдирает с каждого по сто рублей за страницу, чтобы издать сборник? Натворил на две страницы – плати двести рублей, наваял на пять – пятьсот.

– Сколько же вам надо? – спрашиваю. – Четыре стиха? Вы ж этому, – киваю на начальнический стол, – редактору ещё четыре сотни заплатите. Зачем вам это нужно, не понимаю.

– И не поймёте. Мне очень надо. Хотя бы четыре стиха. Я заплачу вам за них сто рублей. Подумайте. Вот мой телефон – надумаете, позвоните.

Он ушёл, оставив мне свои убийственные произведения и невесёлые раздумья. Думай – не думай, а в конце девяностых сто рублей – деньги. Да-а... Как это понимать? Человеку за шестьдесят. Вряд ли он желает удивить своё семейство – что же это, всю жизнь, кроме экскаваторных, никаких способностей не проявлял, и тут вдруг: здрасте, пожалуйста! Они ведь – жена, дети, внуки – не дураки, наверное, и понимают, что так не бывает. А вдруг это припозднившаяся любовь? Как говорят: сиди на в бороду... Ведь ради любви человек вообще чёрт знает на что способен!..

В общем, сел я и за полчаса слепил четыре мало-мальски приличных стишка, сохранив лишь темы экскаваторщика. Мне действительно ничего это не стоило, и

денег с него брать я не собирался. Единственное, чего я хотел, так это подать читателю знак, что автор этих строк, указанный в книге, таковым не является. И одно из произведений я сотворил в виде акrostиха, где из начальных букв каждой строки складывалось: ОСТОРОЖНО, ГРАФОМАН. Всё! Читатель предупреждён, и совесть моя чиста!

Подопечный мой явился на завод спустя неделю. Через проходную его не пустили – начальник не велел, но настойчивый экс-экскаваторщик разыскал меня по внутреннему телефону. И поплёлся я, прихватив состряпанные вирши, на проходную.

Он хмуро просмотрел исписанные листочки. По тому, как покраснели полукружья его ушей, я понял: понравилось, и подвоха он не заметил. Я и не рассчитывал, что заметит.

Новоявленный «поэт» судорожно покашлял, зыркнул вокруг, не повернув головы, и, выудив из кармана смятую сотню, неуклюже сунул её мне... И я взял...

Взял! И рука-то в тот миг не отсохла! И Зевс Олимпийский не сразил меня наповал гневным электричеством!...

Постояли, помолчали. Пора было расходиться, довольными друг другом. Тут мой искушитель, глядя в сторону, сказал:

– Вы напишите ещё четыре. Я ещё заплачу. Вам же нужны деньги...

Ох, как он был прав! Завод родной не то чтобы медленно угасал, он уже некрасиво дёргался в предсмертных конвульсиях. Зарплату, мягко говоря, задерживали. Безденежье двухпудовой чугуниной придавливало к земле, воздуха не хватало...

Нет, не может это служить оправданием предательства чистого искусства!..

В общем, я согласился.

«В конце концов, это не самый отвратительный способ зарабатывать деньги», – нагло врал я себе. И обманул своё нутро так легко, что тут же сбегал к себе в отдел, полистал блокнот, куда записывал приходящие на ум строки, и наугад выбрал четыре стихотворения, сочинённых мной когда-то и мной же по каким-то причинам забракованных. А чего время терять, когда платят «живые» деньги?..

Сборник вышел из печати в рекордно малые сроки. «Живые» деньги протолкнут товар любого качества. А цензуры-то у нас теперь – тю-тю, нету. Отпала необходимость и в редакции при издательствах. Да и зачем издательство, если дензнаки можно нести прямёхонько в типографию? Утром деньги – вечером книги. Твори – не хочу!

Начальник мой на радостях быстренько переименовал кружок в клуб, провозгласил себя его председателем и вдохновителем, с чем и поздравил почему-то меня, вручив в торжественной обстановке свежее испечённый сборник. Толстенькая книжица слепила глянцевою обложкой, была под дых аляповатым оформлением.

Когда ладонь стала потихоньку забывать боль от сумбурного начальнического рукопожатия, сборничек я пролистал. Среди трёх десятков «дарований» и мой экскаваторщик мужественно глядел с фотографии, венчавшей сотворённые мной строчки.

Тень стыда тогда на мгновение накрыла мой всегда такой ясный горизонт.

Знакомый профессиональный поэт, когда я поведал ему эту историю и даже показал отправленную мной читателю весточку, сказал:

– Никому больше не рассказывай. И сам забудь.

Поделился с женой, она ядовито изрекла:

– А ты как хотел? Продано!

И я молчал до сего дня. И забыл бы, если бы этот графоман удовлетворился одноразовой демонстрацией «своих» способностей. Но он принялся размахивать купленной лирой, будто экскаваторным ковшом – грозно и бесцеремонно. Лично я с ним, слава Богу, больше не встречался, а стали мне на глаза (в одном же котле варимся) попадаться различные сборники, где под экскаваторной фамилией пропечатаны всё те же, мои, строки.

Искомая слава капля за каплей потекла на голову упорного пенсионера.

Всё правильно: не стоит ждать милостей от природы, надо их брать. Не можешь взять – купи.

Как я узнал впоследствии, «поэт» скоренько после издания сборника покинул клуб моего начальника и подался в другой кружок по литературным интересам, где собирали деньги на свой сборник. Потом последовали третий и четвёртый клубы. Оказывается, у нас их полно – земля Тургенева и Фета из чёрта сделает поэта.

По сей день колбасит тщеславного экскаваторщика по страницам различных самодельных изданий. Не слишком щепетильные редакторы и составители приводят его (мои?) строки в предисловиях к сборникам, призывая равняться на талантливый пенсионера. Изредка он ставит рядом с купленными у меня свои как бы стихи. Получается ещё смешней. А недавно мне случайно поведали, что выпустил экскаваторщик отдельную книгу своих стихов (не дай Бог увидеть её!), а один из них

известный местный композитор положил на музыку, сделав песней. Мне даже название сказали...

Нет, я не завидую. Славы мне своей хватит. Стыдно, совестно мне до зарезу. Получился я в одной команде с теми корыстными редакторами да издателями, которые – разумеется, не бесплатно – проталкивают в массы безграмотную и пошлую писанину, губя тем самым литературу истинную.

Раскаиваясь перед читателем, отдаю себе отчёт в том, что этой исповедью могу немало навредить и писательскому цеху. Ведь теперь пытливый читатель станет искать в любом произведении акrostихи, подобные моему, анаграммы и прочие зашифрованные весточки. Может случится так, что читатель просто перестанет доверять писателю, памятуя о моей продажности. Могут быть и другие последствия, мною не представимые.

Всё это я понимаю. Но таскать в себе без покаяния тяжкий этот грех более не в силах. И посему коленопреклонённо прошу прощения у великодушных читателей за нечаянный обман, а у коллег своих, писателей – за непреднамеренное вредительство. И надеюсь, надеюсь, надеюсь.

Декабрь 2004 г.